

РЕАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ ОТ СЛЕДОВАТЕЛЯ СК

ДАРЬЯ
Литвинова

ХОЛОДНОЕ ПОСЛАНИЕ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Литвинова, Дарья Сергеевна.

Л64 Холодное послание / Дарья Литвинова. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Детективы Дарьи Литвиновой. Реальные истории от следователя СК).

ISBN 978-5-04-201406-2

В темном городском переулке обнаружен труп неизвестного мужчины. Убийца прихватил документы, бумажник и золотую цепочку жертвы. Из всех улик — только странная записка в кармане: «Милка сука, я наказан...» Капитан милиции Калинин и майор Виршин пытаются установить личность убитого. Но чем дальше они погружаются в сложные жизненные перипетии возможных участников этого преступления, тем запутаннее становится само дело. Вскоре случаются еще две странные смерти, очевидно связанные с первым преступлением. Сыщики надеются расшифровать записку и при помощи полученной информации найти убийцу. Но то, что им открылось, повергает оперативников в настоящий шок...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинова Д.С., 2024

© Оформление.

ISBN 978-5-04-201406-2

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Любимое время года у всех разное. Для кого-то это весна: черные прогалины, взъерошенные воробьи, разлетающиеся брызги тающих сосулек, цвет яблонь, первые листья и общее предчувствие счастья.

Для кого-то это лето. Жаркое солнце, пыльные тротуары, нагретые солнцем стены домов. Пузырящиеся гребешки на волнах, ракушечные пляжи, майки на бретельках и сандалии.

Для дачников отступление — огурцы, помидоры, укроп, запотевшие банки, пар на летней кухне, засолы, засолы, засолы... и — горделивые ряды закаток, готовить которые не желает никто, а по зиме потребляют в три глотки с большим удовольствием.

Для кого-то жизнь невозможна без осени. Без летящей седой паутины и шуршания листвы под ногами, без мокрого асфальта с прилипшими

к нему красно-желтыми кленовыми узорами, без серого низкого неба, без ветра с колючими дождевинками.

А кто-то любит зиму.

Зимы в теплом крае всегда разные, и погоде глубоко наплевать на приметы — мол, будет на Ильин день дождь, значит, зима пойдет сухая. Да хоть разразись на Ильин день небо Ниагарой, чуть испортит атмосферу циклон — и вот, пожалуйста, в декабре мокрый снег, в январе распускаются почки на деревьях, в феврале два дня заморозков — и пятнадцать градусов до весны. И хоть ты тресни.

Но бывают и зимы классические.

Всю ночь что-то шуршит за окном, и в форточку влетают мелкие холодные порошинки, а ты только укрываешься теплее и прижимаешься лицом к подушке. Утром встаешь... город покрыт снежной пеленой, и то, что вчера было изломанным и уродливым — пушистые, красивые, гладкие линии, бело-серебристый покров, искрящийся миллиардами совершенных по структуре снежинок. Слева была газовая башенка? — вот снежный холм, с трогательными закруглениями на верхушке. Машины — маленькие сугробы, деревья — пушистая сказка, на карнизе — мехом снежная шапка. Звонко хрустит снегом первый прохожий, уминая его под ногами. Небо низкое,

насуспенное, словно примеряется — где еще не доведен город до совершенства, куда направить снежные облака?.. и холод, сухой холод воздуха. И не верится, что снова будет весна.

Легостаев зиму не любил по трем причинам: вечно замерзший автомобиль, убийственная наледь под ногами и, как следствие, поток переломов в травматологию.

В «травму» он пошел работать, как сам любил говорить, «из желания спасти и помочь». Ему вообще были присущи пафосные выражения: «спасти и помочь», «возвращать утерянное счастье», «соединять разломленное вновь». Мама Легостаева была учителем русского языка, а папы не было изначально — вот и нахватался высокой словесности, потому что мать вместо семейных вечеров таскала сына по театрам и операм лет так с трех. Она бывало часами могла декламировать отрывки из повестей и романов, память у нее была изумительная — и, к счастью, передалась Легостаеву, запоминавшему огромные главы из учебников за вечер. Мама мечтала, что сын тоже станет на преподавательскую тропу, но жизнь Легостаева была направлена на травматологию с пяти лет, и перечить она не могла.

В свой день рождения — первый некруглый юбилей — маленький Легостаев важно топал по разноцветным плиткам площади рядом с кино-

театром, держась за руку матери. У мамы была высокая прическа, рассеянная улыбка и строгий костюм из джерси. Легостаев заметил голубя и шуганул его — голубь пролетел метр и затих. Выпростав руку, Легостаев побежал за голубем следом; маму на площади отвлекла знакомая, учитель географии, доставшая билеты на премьеру «Мастера и Маргариты» в исполнении Ревякина, Астафьева и Мыльской: жуткая редкость в их городке. Мать стала судорожно прикидывать, как устроить ребенку очередной праздник и приобщить к искусству; означенный ребенок в это время, сопя от напряжения, гнался за голубем и не заметил, как залез за бордюром — в окружавшую кинотеатр березовую рощицу. На него сразу пахнуло запахом земли, сыростью, а голубь, вспорхнув и затрепетав крыльями, исчез в вышине. Легостаев чуть растерялся, и тут к нему шагнул мужчина в желтом замызганном брызговике.

Повзрослев, Легостаев долго анализировал свои ощущения. Неприятный запах. Мгновенный страх — где мама? кто это? что он хочет сделать? Сосуший ужас в животе. Подкатившая к горлу тошнота, когда мужчина взял его за плечо заскорузлыми пальцами.

«Не бойся, не бойся, потрогай, смотри, какая штучка, а я куплю тебе конфеты, ты любишь конфеты? не бойся...»

Завороженно, хлопая ресницами, маленький Легостаев смотрел, как мужчина распахивает плащ и торопливо вытаскивает из просторных семейных трусов бледно-розовую штучку, заросшую по краям волосами, и тычет ему в ладонь. Завопив, Легостаев шарахнулся в сторону и побегал, не разбирая дороги, размахивая руками, пока не споткнулся об камень и не упал лицом в землю. Продолжая орать, он вскочил и, прихрамывая, понесся дальше, снова упал, на этот раз набрав полный рот земли, пополз, цепляясь ногтями за почву, словно от этого зависела его жизнь. Все это длилось от силы минуту — с погони за голубем до второго падения, — но Легостаеву показалось, что прошла половина жизни. Услышав его первый крик, краем глаза следившая за ним мама кинулась в рощицу, за ней побежала географичка, и эксгибиционист удрал быстрее кошки — его даже не заметили. Брыкающегося и орущего Легостаева мать прижала к себе, стала успокаивать, сама на грани истерики, а географичка поймала такси, и втроем они поехали в травмпункт. Легостаеву, который с присущей ему грациозностью ухитрился заработать открытый перелом, сразу впрыснули крохотную дозу обезболивающего, и он с интересом, хотя и всхлипывая, следил за окружающими. Особенно ему понравился доктор — этакий архангел

в белоснежном халате, который с непринужденной легкостью возвращает людям здоровье; доктор сложил ногу и ему, причем так талантливо, что через месяц Легостаев бегал с мячиком вопреки требованиям соблюдать пассивный образ жизни, и уже до тридцати двух лет с ногой проблем не возникало, а перелом, как Легостаев потом узнал из собственной карты, был сложнейшим — странно, что нижняя конечность вообще не стала усыхать. С тех пор он только и делал, что складывал сломанные веточки и склеивал их сначала пластилином, потом клеем, потом гипсом; изучал сначала журналы «Здоровье», потом «Медицина: хирургия», потом специализированные издания; интересовался сначала биологией, потом анатомией, потом спецкурсами мединститута, уже в восьмом классе.

Мужчину-эксгибициониста поймали спустя сорок минут после того, как учитель географии из такси позвонила в дежурную часть и сообщила о происшедшем; им оказался бывший заводской истопник, а ныне — инвалид второй группы по, как говорят, общему заболеванию, тихий олигофрен Белков. Кажется, его осудили к принудительному лечению, но Легостаев в подробности не вдавался: мать на суд его не повела, и показания следователю он не давал, только мама, как представитель потерпевшего, рассказала все

в отделении милиции, приложив справку, что ее сын допрошен быть не может по показаниям здоровья. Справку приняли, Легостаева не трогали, но оперативность, с которой милиционеры вычислили и поймали маньяка, запала ему в душу настолько, что Легостаев всерьез колебался одно время между юридическим факультетом и медицинским и выбрал последний не в последнюю очередь потому, что боялся курса лекций по философии: вот уж что он разуместь не мог. Но на всю жизнь он сохранил уважение к правоохранительным органам, тем более что в двадцать три у него обнесли вчистую квартиру, украв дорогостоящую технику, однако с помощью служебно-разыскной собаки преступники были обнаружены, а техника возвращена практически полностью: за исключением плеера и двух колонок, что жулики успели толкнуть на рынке «Привоз».

В травматологии у Легостаева были свои любимцы и свои, как он говорил, «отвращенцы».

Любимцами он называл тех, у кого полученные травмы были результатом несчастных случаев — будь то травма на производстве, или ожог возле плиты, или перелом в физкультурном зале. Отдельным списком шли переломы ног при беге — уж тут Легостаев старался, себя не помня. К «отвращенцам» относились те, кто получал травмы по глупости — неудавшиеся самоубийцы,

которых по ошибке привозили с порезанными венами не в хирургию, переломы рук и лодыжек на скользком, зато чисто вымытом полу, сотрясения головного мозга по пьяни и легкие ушибы копчика. Третьим видом были те, кто получал травмы на уличном льду.

Из-за них Легостаев зиму и не любил.

Несчастные, пострадавшие из-за чужой халатности люди сыпались в травматологию кучами. Вывих, ушиб, перелом, сотрясение; смещение, трещина, рана, гематома; кровь, опухшие конечности, неестественно вывернутые суставы, боль, слезы, бледные, застывшие лица. И ведь не делал человек ничего — просто шел по асфальту, который наемни припорошил снежок, потом залил зимний злой дождик, а после закатал ночной мороз. Где дворники с окладом размером с официальную зарплату ведущего травматолога Легостаева? Где они, с лопатами и бодрым настроем духа? Где щедро выделяемый государством и столь же щедро вывозимый на дачи и коттеджи вышестоящих лиц песок для посыпки улиц? Подорожал песок, извольте реагент — от которого изжевываются шины и трескается покрытие асфальта. Где соль?.. Ах, вы изволите соль, так это не к нам, это к Минпищпрому, и плевать, что на дорогу соль сыпется отнюдь не пищевая. И вот результат — снежная зима и прирост травмиро-

ванных в двадцать семь процентов. Так это для государства прирост, для отчетов, а на деле — многодетная мать с переломом руки, бабушка семидесяти лет с вывихом берцовой кости и посиневшими от боли губами, мальчишка-скрипач с трещиной в кисти.

Привет, коммунальные службы!..

За это Легостаев зиму не любил. Он вправе был ненавидеть и все остальные времена года — за аварии, за переломы на «тарзанках», за порезы после ныряния рядом с ржавыми баржами, за много другое; но зима представлялась ему врагом. Черт его знает почему.

В приобретенных в модном магазине ботинках «Гриндерс» на шипах холодным зимним утром он бодро шел от своей пассии — Леночки Маликорской, очаровательного создания с розовыми губками, розовыми щечками и розовыми ногтями, крашенными лаком. Леночка всерьез хотела сменить свою фамилию, Легостаев всерьез хотел этому способствовать, но мешало одно: бывший муж Леночки, который восстал против потенциального жениха, как рабы против патрициев. Чего угодно, но этого Легостаев ожидать не мог и совершенно потерялся перед напором рогоносца. С присущей ей дипломатией, Елена развела борцов по разным сторонам ринга и, заняв сторону Легостаева, подключила к проблеме быв-

шую свекровь; та, при совместной жизни Леночку ненавидя, тут приняла живейшее участие. На христианское Рождество Легостаев сделал Елене предложение, получил слезное согласие с горячим поцелуем и теперь направлялся на работу в прекрасном расположении духа.

Свернув на улицу Зеленую, он заскользил на корке льда и схватился за забор; начинается, мрачно подумал травматолог. Сегодня повалит табор пострадавших, и только успевай лечить беду от царапины до кости наружу, а все почему? Халатность плюс неуклюжесть, черт подери... вот, очередной! Рефлексы действовали быстрее разума — увидев лежащего возле заснеженной колонки мужчину, Легостаев, шаркая «Гриндерсами», подбежал к нему и наклонился.

И тут же отскочил назад.

Мужчина лежал неподвижно, скрючившись в три погибели, поджав колени; лицо его было сине-белым, и Легостаев понял, что перед ним покойник, причем покойник несвежий, вечерний — уж этому их в мединституте учили. Он опасливо подошел снова и, преодолевая брезгливость, снял перчатку и пощупал на шее вену — пульса не было, а шея закоченела. Легостаев посмотрел повнимательнее и вдруг увидел, что на груди трупа, просочившись сквозь рубашку, темнеет пятно засохшей крови.

Травматолог был человеком сугубо гражданским и переломы вправлял с ангельским терпением, но криминала на дух не переносил. Более того, его практически тошнило от вида трупов: вырывающиеся и скулящие пациенты были хотя бы теплыми, а вот мертвецы с их ледяной кожей навевали мысли о бренности всего сущего намного явственней, чем плакаты в морге с проекцией Osseus. Перед Легостаевым лежал мертвый человек — и, скорее всего, *убитый* человек.

— Мамоньки, господи, что делается-то, что делается, у моего дома-то! — завопил женский голос совсем близко, и тень метнулась в калитку с белой табличкой «2». Легостаев понял, что очевидцем был не он один, но особо не обрадовался: сейчас от женщины толку мало, а труп лежит часов так семь, вон роговицы высохли, да и губы, несмотря на мороз, нехорошие... Нужно было вызывать соответствующие службы, но его телефон, как назло, вследствие халатности хозяина был разряжен: Легостаев забыл зарядное устройство на работе, а у Леночки нужного шнура не оказалось. Он усмотрел маячащую за забором хранившую молчание плотную фигуру в ватнике и крикнул:

— Простите, вы можете позвонить в милицию?

Фигура встрепенулась, пошевелилась и шагнула навстречу.